

*...Где вместе небо и земля
В морозной мгле слились.*

Дмитрий Мизгулин

Сегодня лирический герой, как правило, является фигурой по преимуществу внешней – или же сфокусированной на построение облика внутреннего человека, на «угадывание» личных душевных движений. Конечно, такая градация во многом условна, однако у нее есть видимые примеры и одна характерная особенность.

Alter ego автора, однажды показавшегося на люди в окружении земных предметов и коллизий, впоследствии крайне редко высвечивается в качестве живого микрокосмоса, вовлекающего читателя в свои нескончаемые глубины. Происходит некое самоопределение поэта: либо он становится частью узнаваемого окружающего мира на всю оставшуюся творческую жизнь, либо существование его приобретает драматически замкнутую форму – и всякий, привороженный голосом певца, уже не

ждет от него ясных слов и художественно вычужденных, прозрачных в своей конкретике сюжетов. Подчеркнем, что речь здесь идет именно о творческом облике, а не о социальном портрете литератора.

Названные характеристики практически никогда не перетекают одна в другую. Более того, обычно поэты интуитивно выбирают форму своего лирического воплощения, стремясь к определенности личных художественных примет. Эта – на первый взгляд, довольно странная, но тем не менее очевидная – поляризация в «стане стихотворцев» нашего времени почти не знает промежуточных положений. Взаимное проникновение обозначенных интонаций и смыслов попадает на глаза редко и тревожит слух, скорее, как феномен, а не привычное обыкновение.

В пределе тут сталкиваются и едва ли не враждуют публицистика

и эскапизм, не склонный вступать, практически, ни в какие отношения с социумом. И то, и другое для поэзии – тенденции разрушительные, и главная – речь должна идти о чувстве меры, с которым глубокий человек не отворачивается от мира, но стремится сделать его лучше и добрее. Именно на такой промежуточной художественной и личностной территории перед нами возникают стихи Дмитрия Мизгулина – автора, способного удивительно точно обозначить дыхание нашей больной эпохи и движение чувств современника.

У Мизгулина реальное пространство дано в довольно беглых приметах. Они не поддержаны отчетливой, запоминающейся образностью. При том что поэт легко и свободно умеет показать действительность – примелькавшуюся и стертую в своих чертах. И создается впечатление, что лирический герой воспринимает окружающую среду именно так потому, что она для него – НЕ ГЛАВНАЯ. Вся художественная самобытность текстов автора выходит на первый план в местах соединения реаль-

ного с НАДреальным, земного – с Небесным. В подобном контексте Дмитрия Мизгулина можно назвать *духовным* поэтом, несмотря на то что он скуп на соответствующие «высокие» слова. Его сентенции метафизического характера кто-то может отнести к резонерству, но продуманность распределения акцентной образности в стихах и сам способ показа реального пространства подтверждают сосредоточенные слова автора и не позволяют определять их как плоды расчётливого или безутешного ума.

В объёмном собрании стихотворений Дмитрия Мизгулина¹ одна из поэтических тетрадей называется «Русские печальные слова». Это заглавие как нельзя лучше подчеркивает интонацию и скрытый смысл многих его строк. Русская душа почти всегда не удовлетворена наличным бытием, устремляясь потаенной глубиной своей в царство любви, справедливости и высшей правды. Земной оком никак не совпадает с очертаниями горнего светлого мира, и потому затаенная печаль стала неизбывной приметой русского человека.

И так спокойно было на душе,
Как будто жизнь еще не начиналась.

Человеческая судьба представляется нередко смутной и противоречивой, в ней нет ясности и зримой последовательности картин и поступков. Тогда как до начала физической жизни душа пребывает в неведомом космосе в

состоянии внутреннего умиротворения и согласия с близким и далеким и с самою собой. Зыбкость земного распорядка видна у Мизгулина даже в спокойных, на первый взгляд, эскизах природы:

Лодка, Церковь у погоста.
Темная река.
Чайки кружат над водою,
И с тревогою немою
Мчатся облака.

¹ Дмитрий Мизгулин. *Стихи: 11 тетрадей*. Редактор-составитель Нина Ягодинцева. – Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014.

Хотя со здешней тревогой перекликается и Небесная, которая явлена нам через природные детали. Довольно часто «схваченные» глазом поэта подробности социума и быта кажутся чрезмерными в своем количестве. Но почти никогда природа не оказывается в его лирике мимолетным видением или только осязаемой вереницей предметов и ситуаций, которые по отдельности как будто могут утратить собственную многомерность и значимость. Сиюминутное человеческое по метафизическому «весу» уступает природному уже потому,

...Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землею.

Жизнь промчится – исполнится срок.
Будет имя твое позабыто.
И развеются прах и песок
И из мрамора, и из гранита.

На фоне печали и суеты неувлимо возникает смысл возврата тела человеческого в землю, изначальное предназначение быть ее частью. Эта негромкая, но очень глубокая связь может быть истолкована символически: добрых лю-

что природа в каждом новом ее состоянии закономерна, а не своевольна: она послушна воле Творца. Ее мнимая «самостоятельность» смущает людей, настораживает – но почти никогда не приводит к взаимопониманию. Самонадеянный человек не способен уловить связь дерева и облака с непостижимой Мировой Волей, и загадочное «бессмертие природы» его «пугает иногда». Впрочем, становясь однажды прахом, он соединяется с природным миром, но понимание всех последующих событий отрезано от него смертной чертой.

дей больше, чем злых, потому-то земля и держится, не пропадает – ее укрепляет *добрый прах*. У Мизгулина подобный пунктир отодвинут от прямого наблюдения ничемной социальной лихорадкой, которая вполне наглядна и безысходна.

...И лежит наш скорбный путь
Среди шума, среди гама
Мимо Бога, мимо Храма.

.....
В переполненной мглою душе
Места нет для покоя и Бога.

Визуальный «лист реальности», со всеми ее приметами и деталями, словно проколот предельными смыслами – достаточно редкими, которые, однако, позволяют увидеть сквозь образовавшиеся в бессмысленном существова-

нии «дыры» невероятно яркий, ослепительный свет подлинного бытия. С ним связан непонятно как возникающий рефлекс Спасения, поначалу заставляющий человека притекать к главному – простому и ясному:

Рассеян ум. Бессилен разум.
И только трудится душа,
Слова простые раз за разом
Нанизывая не спеша.

Мироощущение Мизгулина пронизано чувством надвигающейся на современную цивилизацию катастрофы. И кажется, что грозный гул тотальной беды слышит только он. Даже природа как будто невозмутима и не содержит отчетливых, роковых знаков, в которых «...Неотвратимость бытия // И час расплаты». Особенно остро хрупкость настоящего времени воспринимается им на безоглядных ярмарках тщеславия и самоуверенности:

Очнешься от шумных застолий,
Где праздная чаша горчит –
Услышишь, как в стынущем поле
Полуночи птица кричит.

<...>

Я в этом веселии лишний
И, мучась опять и опять,
За что нас карает Всевышний –
Стараюсь в смятенье понять,

Коль скоро глухие метели
Закружат чужие слова,
И скоро нас в прах перемелют
Эпохи иной жернова.

Предзнаменование – особая разрушающей родной для него сторона взгляда на мир у Дмитрия мир.

Мизгулина. Он способен различить тоскливую тревогу, когда «...стонет под ветром, и стынет // До срока разбуженный лес». Будто собрат лирического героя, стынущий лес воспринимает невидимые вибрации большой *надмирной жизни*. Но его движения и звуки еще не выглядят окончательными знаменами, тогда как поэт с сердечной болью вбирает в себя весь объем дисгармонии, Если говорить о стиле мизгулинских стихотворений, то он не преобладает над художественным смыслом: это качество поэтического высказывания автора оказывается в тени собственно содержания его строки. Там же, где форма неожиданно являет себя тем или иным образом, стихи обретают дополнительную выразительность, которая обогащает смысл еще и ярким изображением:

И ты, как будто наяву,
Опять с крыльца ко мне спустилась.
Упало яблоко в траву
И покатилося...

И все-таки сюжеты Мизгулина по преимуществу умозрительны: некая философия почти всегда прячется в ткани его художественной речи. Цвет в его стихах появляется редко: они, скорее, рисунок или графика, нежели пример живописи. И это, в свою очередь, склоняет лирический рассказ к движению мысли, а не к перемене картин.

Стоит обратить внимание на разность ритма, который сопутствует внутреннему и внешнему развитию сюжета. Чехарда реалий внешнего мира болезненна и мимолетна, тогда как сердце и ум способствуют вызреванию главных слов и отношений как-то мерно, не торопясь, с ощутимой долей усталости и печали.

Заметим, что по ряду деталей в контексте лирики автора, родившегося в Мурманске, он представляется, скорее, деревенским жителем, перебравшимся однажды в город. В этом случае вытеснение «медли-

тельного» ритма природной среды учащенным течением городского существования закономерно, однако затаенная верность души прежнему, глубокому и спокойному дыханию может многое сказать о психологическом и мировоззренческом устройстве лирического героя.

Когда-то он чувствовал себя частью леса, реки, луга и упивался свободой и гармонией жизни. Сегодня все – не так: окружающая цивилизация мегаполиса темна и лукава, ей ничего не стоит переломить человеческую судьбу. Более того – порой кажется, что в этом ее адепты находят элементы удовольствия и азарта. Вот почему лирический герой Мизгулина так обреченно относится к проекциям текущего дня на завтра. Все урбанистические пути уводят его от Бога и от храма. И в какой-то момент они оборвутся на краю пропасти – житейской, апокалиптической, метафизической...

Скажи, кого винить, когда
Внезапно кончилась дорога?

.....
...И тревожится душа
В ожидании развязки.

.....
Кровавый туман над притихшей Россией клубится,
И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.

Поэт пытается соединить сокровенный смысл происходящего с поступками и словами, тем самым стремясь хоть в малой мере вживить крупинки истинного понимания вещей в безотрадную современность. Такой отчаянный психологический разрыв между внешним и внутренним мирами оказывается факсимильным отпечатком лирики Дмитрия Мизгулина. А

его желание сшить разорванные края зримого и осязаемого уклада, излечить душевные болезни жестокого века становится явлением во многом уникальным. Эти шаги – наверное, идеалистические – не приведут к значимым результатам, но поступать иначе, перекраивать себя поэт не может и не хочет, какую бы цену судьба ни назначила ему за принятое решение.

У Мизгулина очень много стихотворений дневникового характера. В своде его лирики они играют, пожалуй, не самостоятельную роль, а служат периодически возникающей иллюстрацией незначительности и *без-образности* суеты, которая пытается выглядеть весомой и запоминающейся. В реалиях внешнего мира автор принципиально не ищет образности. Скорее, это диктуемое выморочной средой отсутствие ясного и яркого образа он вынужденно преодолевает. Так формируется облик сжимающегося с каждой прожитой минутой житейского поля, под метафизической поверхностью которого складываются неведомые силы, готовые однажды кардинально изменить мир.

Поэт чувствует драматические перемены, но старается отдалить их, как бы уговаривая Всевышнего быть снисходительным к исстрадавшемуся русскому человеку. Как правило, подобные слова заключают стихотворение, в котором тесно переплетаются «надежда и сомненье», а Небо закономерно и естественно видится непререкаемой инстанцией. Смысловой вес определений и предметов здесь на порядок больше, чем прежде, еще и потому, что главные вопрошания лирического героя обращены к Создателю, а не к современникам и не к сиюминутному содержанию жизни.

Тяжелеют осенние воды,
Догорают рябины огни...
Но во мраке ноябрьской природы
Вдруг наступят особые дни –

И развеется мрак постепенно,
Рябь по водам пойдет не спеша.
И, как солнечный отсвет, нетленно
Встрепенется – и вспыхнет душа.

.....
В поднебесье тускло тлеют звезды,
В темноте круги сужает бес.
Но поверь, что никогда не поздно
Будет достучаться до Небес.

.....
Метель утрат восторг души остудит,
Застынет в реках черная вода...
Но все-таки Господь веселых любит,
А верных не оставит никогда.

И пусть кружат во мгле миры и меры,
В крошечном мраке исчезает путь,
Держись поближе Православной веры –
А там Господь подхватит как-нибудь.

Психологически стихи Дмитрия Мизгулина оказываются очень русскими: черты характера, «выглядывающие» то из одной

авторской оговорки, то из другой, вполне самобытны. И потому лирическая речь поэта есть некое свидетельство русского человека,

говорящего в присутствии своего брата и сестры, родителей и детей, друзей и редких единомышленников. Чувство Родины, сквозное для разных эпох, для разных людей и разных художников, бережно хранится автором. Более того, творче-

ство Мизгулина неявно подразумевает, что русский художник, утративший это драгоценное ощущение, одновременно теряет и свое вдохновенное призвание. Образ Тургенева, которого измучила тоска по России, тут очень показателен.

Мой Бог! Помогут разве воды,
Когда встают из забвения
Печальный лик родной природы
И смысл загадочный ея?..

Подчеркнем, что черты Родины представлены «золоченым сентябрьским лесом» или «утренней тихой рекой», которая катит волны в далекий океан. Он созвучен дали дальней и прогрессу, но значительно шире фальшивой вселенной современной цивилизации. Река заледенеет, изменит русло, однако глубинное течение ее останется прежним – станет другим только все внешнее: «Под грома-

дой застывшего льда // Будет вечно струиться вода». Здесь – абрис смыслового портрета не только автора, но и русского человека как такового.

Поэт погружен в сумеречную жизнь бездушного города, предчувствия изнуряют сердце, но надежда на Промысел и на чудо не оставляют его. Во многом потому, что он затаенно верит: с Россией будет именно то, что мы о ней думаем.

А за окном – пурга, пурга,
Тоска погасших звезд,
И нет ни друга, ни врага,
И город – как погост.

Светлеет мрак полночных туч,
Недолго жить ночи:
Соединится солнца луч
С мерцанием свечи.

Удрученный безрадостной действительностью поэт все-таки протирает замутненное окошко в золотой, осененный Именем Бога мир. В этом узнается большой душевный труд, позволяющий автору не соскользнуть в бездну, покорно обживая мрачное пространство «погасших звезд».

В стихах Дмитрия Мизгулина лирический герой постоянно терзает что-то очень важное, оглядываясь назад или прозревая – но в пустой след. Порой его интуиция,

увы, просыпается слишком поздно – и вместо новой реальности он получает лишь горькое понимание того, что новая реальность *могла* быть. Тяжесть, продиктованная внешними обстоятельствами, ложится на его плечи, соединяясь с укором запоздало спохватившегося ума. Он исправляет вчерашние промахи, неверный выбор, потери, и в том – его жестокая планида и объяснение многих поступков. А еще – живая душа, не делимая до конца на правильное и ошибочное:

И чаще вспоминаешь невпопад
Тот день и час, на время позабытый,
Тот удивленный, тихий женский взгляд,
Какой-то беспокойный и открытый...

<...>

И безвозвратно миновали дни,
И этот миг, потерянный тобою,
Когда, казалось, руку протяни –
И встретишься с единственной судьбою.

Дмитрий Мизгулин – полная скрытого драматизма и внутренних противоречий фигура современного русского человека, живущего на «шатком стыке тьмы и света». Часть нового рационального века и, одновременно, наследник человеколюбивой традиции высокой русской литературы, он старается соединить разорванную в конце прошлого столетия нить

времен. Его лирика, классическая по форме и художественным средствам, в своем сюжетном пространстве говорит о новой эпохе и прислушивается к сердцу простого человека. А сам он свидетельствует и горюет о нынешних смутных днях и годах, которым однажды, все-таки, придет конец.

Но пока «...небо и земля в морской мгле слились...»

